

К. Л. ЗЕЛИНСКИЙ

Одна встреча у М. Горького

<Запись из дневника>

26 октября 1932 г.

<...> В это время мы замечаем, что мимо дверей, где устроена раздевалка, проходит группа людей. Я мельком вижу военные шинели Сталина, Ворошилова. В вестибюле, где устроена раздевалка, прибывших гостей встречает Горький. Раздевшись, Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов и Постышев проходят в рабочий кабинет Алексея Максимовича. Дверь туда закрывается.

9 часов вечера.

Волнение охватывает все группы писателей. П. П. Крючков открывает двери в столовую и говорит:

— Товарищи, пройдите, пожалуйста. Занимайте места.

Открываются двери в большую комнату с громадным окном. Мы усаживаемся, гремя стульями. Столы расставлены покоем и накрыты белыми скатертями. Но сейчас они пусты. Двери снова закрываются. Нас около 50 человек. Я оказываюсь с краю; справа от меня Бахметьев и Гладков, слева директор издательства «Советская литература» Цыпин.

Наконец двери открываются снова и входят все вместе: Сталин, Горький, Молотов, Каганович, Ворошилов, Постышев. В дверях остаются стоять Петр Крючков и Максим Пешков.

Молчание, напряженность, ожидание.

Вошедшие усаживаются посередине стола на ближайšie к двери места. Писатели, занявшие было эти места, пересаживаются напротив и на край.

Столы белы. Лампы яркие. Воздух чист. Курить воспрещено. Тяжелые темно-зеленые драпри плотно прикрывают модернистское окно бывшего особняка Рябушинского. Мое внимание обратил на себя утомленный вид Молотова. В его лице — ни кровинки. Да и у всех на лицах печать усталости, ночной работы. Горький рядом выглядит отлично, не говоря уже о Леонове. Только Ворошилов, несмотря на свои серебряные виски, блещет здоровьем. Сталин в своем обычном полувоенном костюме. Он отодвигает стул и садится, наклонившись грудью и лицом к столу. Из-под кустистых бровей быстро и внимательно глазами проходит по рядам присутствующих.

Так началась эта встреча. Кажется, никто не записывал речей выступавших на этом собрании. Таково было желание Горького. Но я очень внимательно вглядывался и вслушивался во все, что происходило в этот вечер 26 октября 1932 года. Придя домой, я на следующий день все записал в дневнике. <...>

Мы все вваливаемся в соседнюю комнату, где висит коринский портрет. Двери в столовую снова закрываются. В комнате полутемно. На столе почему-то горит одна лампа. Вокруг Сталина, Молотова, Горького, Ворошилова толпятся писатели.

Естественно, главный интерес — к Сталину. Его обступили плотным кольцом. Ближе всех Леонов, Гронский и Субоцкий. Говорят о материальной базе. Леонов рассказывает, с каким трудом писателям приходится получать дачи. («Некуда поехать отдохнуть. А надо, чтобы и зимой можно было вырваться».)

Сталин дачи и вообще «базу» обещает.

— Зачем вам дачи? Значит, плохо искали. Вот вам дача Каменева освободилась. Можете занять.

Зловещий смысл этих слов, впрочем, не доходит до слушающих. Сейфуллина пробивается в расступающееся кольцо.

— Товарищ Сталин, а вы будете говорить?

Сталин:

— Да, собираюсь поговорить. <...>

Интересно наблюдать за поведением людей вокруг самого Сталина. Его немного беспокоит это атаковывание писателей.

Ему неловко. И вот, держа трубку в зубах, Сталин вдруг начинает двигаться, не изменяя поворота головы, прямо всем телом. Он точно отплывает от пристани. У дверей его снова задерживают.

Никулин:

— Расскажите, товарищ Сталин, о ваших впечатлениях от разговора с Эмилем Людвигом.

Сталин:

— Недалекий человек.

— А что вы скажете о Бернарде Шоу?

— О, тут дело было значительно сложнее.

Я в первый раз вижу Сталина так близко. Сталин — человек среднего роста, не очень плотный и отнюдь не военно-монументальный, как его изображают в гипсовых бюстах. П. Павленко как-то мне рассказывал о своих впечатлениях о Сталине на за-

седании Политбюро 24 апреля. Павленко говорил мне, что его внимание тогда привлекла усталость Сталина, бледность лица, начинающий просвечивать затылок. Словом, впечатление мягкости, затем сглаженность черт лица жизнью в комнатах среди заседаний, книг и бумаг.

У меня в этот вечер не осталось такого впечатления от Сталина. Нет, это еще вполне крепкий человек, почти без седины; волосы чуть начинают сереть на висках, но еще темные и густые. Манера одеваться Сталина общеизвестна по портретам и фотографиям. Это френч темного хаки, тонкой и хорошей материи. Когда Сталин говорит, он играет перламутровым перочинным ножичком, висящим на часовой цепочке под френчем. Особенностью лица Сталина, придающей ему некоторую жесткость, являются идущие косо наверх брови. Они кустятся и торчат над висками острыми волосиками. Когда Сталин смеется — а смеется он довольно часто и быстро, — жмурясь и нагибаясь над столом, то брови и усы бегут врозь и в лице появляется нечто хитрое. Пожалуй, тигриное. Сталин, что никак не передано в его изображениях, очень подвижен.

И вот тут начинаешь понимать его простоту, о которой столько на сказано и написано. Конечно, все в Сталине внешне просто, естественно, впригонку к существу дела, без прикрас и позы. Но это не имеет ничего общего с той простотой, что хуже воровства. За этой простотой, как за гладкой поверхностью стальной брони, — огромная внутренняя заряженность. Сталин поражает именно этой своей боевой снаряженностью. Чуть что, он тотчас ловит мысль, могущую оспорить или пересечь его мысль, — и встречным ударом парирует ее. Он очень чуток к возражениям и вообще странно внимателен ко всему, что говорится вокруг него. Кажется, он не слушает или забыл. Нет, оказывается, он все поймал на радиостанцию своего мозга, работающую на всех волнах. Ответ готов тотчас, в лоб, напрямик, да или нет. Тогда понимаешь, что он всегда готов к бою. И в то же время берегитесь, если он хочет понравиться. В его распоряжении громадная гамма усыпляющих средств.

Позже, во время одного высказывания на вечере, когда Сталин говорил о первостепенной важности «производства» душ в сравнении с остальным производством машин, авиации, танков, Ворошилов подал реплику: «Как когда». Все зааплодиро-

вали. Реплика показалась удачной. В ней прозвучало — мемен-то беллюм (помни о войне). Сталин не прошел мимо реплики. Как так, его мысль, оказывается, была приблизительной, неточной. Она может быть подправлена.

— Нет, товарищ Ворошилов, — сказал Сталин, поворачиваясь всем корпусом, стоя, к нему, — ничего ваши танки не будут стоять, если души в них будут гнилые. Нет, производство душ важнее производства танков.

Мы замолкли под действием этой логики. Мы почувствовали непреклонность человека, знающего до конца, чего он хочет.
<...>

Фадеев говорит:

— Товарищ Сталин, расскажите нам о Ленине. Свои воспоминания. Здесь все писатели. Это имело бы для нас большое значение.

Но Сталин отнекивается. На предложение Фадеева он отвечает новым предложением. Сталин встает, держа бокал с вином в руке:

— Давайте лучше выпьем за Ленина. За великого человека. Давайте выпьем, ну, кто хочет? За великого человека, за великого человека, — повторяет Сталин несколько раз.

Он понял, о чем его просил Фадеев. Фадеев просил, чтобы Сталин повторил свои рассказы о Ленине на собрании писателей-коммунистов 19 ноября, которое было неделю назад, тоже у Горького. Павленко (а позже и Фадеев) мне передавал, что Сталин тогда говорил замечательно. Он рассказывал редкие, интимные вещи из жизни Ленина, о которых никто не знает.

— Ленин понимал, что умирает, — говорил Сталин, — и попросил меня однажды, когда мы были наедине, принести ему цианистого калия.

«Вы самый жестокий человек в партии, — сказал Ленин, — вы можете это сделать».

— Я ему сначала обещал, а потом не решился. Как это я могу дать Ильичу яд. Жалко человека. А потом, разве можно было знать, как пойдет болезнь. Так я и не дал. И вот раз поехали мы к Ильичу, а он и говорит, показывая на меня: «Обманул меня, шатается он». Никто тогда этой фразы понять не мог. Все удивились. Только я знал, на что он намекает: о просьбе Ленина я тогда же доложил на Политбюро. Ну конечно, все отвергли его просьбу. Вот Гронский знает про это.

Сегодня, в присутствии беспартийных, Сталин не хочет повторять этот разговор.

— Ну что же, выпьем за великого человека, — перебивает Сталин снова Фадеева.

Все встают, и кое-кто поспешно наливает свой стакан, чтобы присоединиться к тосту. Малышкин хочет чокнуться со Сталиным, но стесняется. Он потихоньку об этом говорит Фадееву. И Фадеев провозглашает:

— Товарищ Сталин, писатель Малышкин хочет с вами лично чокнуться.

Сталин протягивает стакан через стол.

— Ну что ж, давайте.

Павленко:

— Это уже плагиат, товарищ Сталин.

Мы смеемся. Павленко на вечере 19 октября от полноты чувств, подогретых вином, поцеловался со Сталиным. Скромный Малышкин только чокается.

— Выпьем за здоровье товарища Сталина, — громко возглашает Луговской. Но в то время, когда мы все собирались присоединиться к тосту, Никифоров, сидевший напротив и уже изрядно отдавший дань угощению своего визави, который нещадно наливал своим соседям полные стаканы водки, встал и буквально закричал:

— Надоело! Миллион сто сорок семь тысяч раз пили за здоровье товарища Сталина! Небось ему это даже надоело слышать...

Сталин тоже поднимается. Через стол он протягивает руку Никифорову, пожимает его концы пальцев:

— Спасибо, Никифоров, правильно. Надоело это уже.

Писатели собираются петь. Фадеев уговаривает Шолохова спеть с ним вдвоем. Шолохов смущен. Рядом с высоким Фадеевым Шолохов кажется маленьким. Он стоит в темной шерстяной рубахе, с голой, стриженной, большой головой и неловко улыбается. Он ищет [как] избежать общественного внимания. Фадеев запекает один. Ему подтягивают. Горький сидит по-прежнему молчаливо, будто недовольный. Поют песни. Поют не особенно дружно; Фадеев, на мотив песни «Вышла Дуня за ворота, а за нею солдат рота», тут же сочиняет частушки, в которые вплетает имена руководителей — Ворошилова, Молотова и других. Но получается не очень складно: «Вышел Ворошилов

за ворота, а за ним солдат рота». У всех ощущение, что вечер слишком рано потерял свои очертания и превратился в вечеринку с вождями. Но вот встает Сталин. Я не помню, предшествовала ли этому новая просьба выступить с чьей-либо стороны. Вернее всего, нет, потому что Сталин, поднявшись со стула, ищет как бы мотивировки своему выступлению.

— Ну как, сказать им? — спрашивает он Горького, сидящего рядом справа. — Надо говорить?

— Надо, надо. Просим, просим, — загудели мы все. И Горький тоже своим баском поддерживает общую просьбу.

— Ну, тогда садитесь, я буду говорить минут двадцать.

Собрание снова собрано в один узел. Все замолкают, придвигаются со стульями ближе к оратору. Кто сидит, кто стоит, окружив Сталина тесным полукругом.

— Ну, в чем сущность сегодняшнего собрания? Сущность его во взаимоотношениях партийных и беспартийных. В этом гвоздь вопроса.

Сталин говорит очень покойно, медленно, уверенно, иногда повторяя фразу. Он говорит с легким грузинским акцентом. Сталин почти не жестикулирует. Сгибая руку в локте, он только слегка поворачивает ладонь ребром то в одну, то в другую сторону, как бы направляя словесный поток. Иногда он поворачивается корпусом в сторону подающего реплику. Его рука очень бела и суховата. Рука человека, привыкшего перелистывать книги и бумаги. Его ирония довольно тонка. Сейчас это не тот Сталин, который был в начале вечера, Сталин, прыскающий под стол, давящийся смехом и готовый смеяться. Сейчас его улыбка чуть уловима под усами. Иронические замечания отдают металлом. В них нет ничего добродушного. Сталин стоит прочно, по-военному.

— Сначала мы собрали партийных...

Сейфуллина:

— Мы слышали об этом...

Сталин:

— Ничего не поделаешь, товарищ Сейфуллина. Привычка у нас, у большевиков, такая. Обычай такой. Сначала собираем партийных и говорим вплотную. Чистим друг друга. А уж потом, когда выходим, то с единым мнением, которое каждый обязан защищать. Тут — защищай каждый свое, а когда уж постанови-

ли — то защищай партийное мнение. Хорошая привычка. Проверена всей нашей работой. Так и мы, товарищ Сейфуллина, сначала собрались партийные и в своей среде проверили, хорошее ли это мероприятие — вводить рапповцев в Оргкомитет. А теперь мы это вместе с вами обсуждаем, обсуждаем всю нашу работу. Как нас учил Ильич? Он всегда говорил, что проверяй работу партийных беспартийными. И наоборот. Партийные проверяют беспартийных. Чем сильна наша партия? Тем, что она имеет поддержку среди широчайших масс беспартийных. Разве мы не знаем, что среди членов партии встречаются мерзавцы и приспособленцы. Мы изгоняем их всячески из нашей среды. Изгоняем, в частности, и на чистках. Время от времени мы чистим нашу партию. Это большое событие в жизни партии. И на чистку мы приглашаем беспартийных. Потому — что значит человек беспартийный и хотящий работать с нами для победы социализма? Это значит, что у него еще чего-то не хватает. Что-то он еще не понимает. Значит, надо ему объяснить. Партийных мало, а беспартийных гораздо больше. Что было бы, если бы масса беспартийных рабочих не шла за партией? Значит, надо уметь создавать влияние, вести за собой. Оттолкнуть сочувствующего человека, — я не говорю здесь о врагах, о них сегодня нет разговору, — оттолкнуть сочувствующего человека легко, а завоевать его доверие трудно. «Пущать страх», отбрасывать людей легко, а привлекать их на свою сторону трудно. За что мы ликвидировали РАПП? Именно за то, что РАПП оторвался от беспартийных, что перестал делать дело партии в литературе. Они только «страх пущали»...

Говоря эти слова, Сталин подчеркивает их иронию. Он делает движение кистью руки, выбрасывая пальцы врозь, и хитро улыбается под усами.

— А «страх пуцать» — это мало. Надо «доверие пуцать». Вот что. Вот почему мы решили ликвидировать всякую групповщину в литературе. Групповщина создавала нездоровую обстановку, не располагала к доверию. Мы распустили все группы и побили самую большую группу — РАПП, которая ответственна была за групповщину. Теперь мы от всех партийных литераторов будем требовать проведения этой политики.

Чумандрин стоял прямо перед Сталиным через стол и смотрел на него, моргая, чуть-чуть навеселе, надув пухлые розовые щеки. Он обронил с невинным видом:

— Что ж, мы не возражаем...

— То есть как это «не возражаем»? Исполнять надо, — вмешался шутливо Ворошилов.

— Не возражать — мало. Надо работать для этого, — добавил Сталин.

Все засмеялись. Чумандрин густо покраснел. Но Сталин улыбкой снял со счетов общего внимания его реплику.

— Союз писателей тоже как мы организовали? — продолжает Сталин. — В центре — крепкое ядро коммунистов (*при этом Сталин делает круговое движение рукой*), и вокруг него широкий слой беспартийных. Там, во фракции у себя, деритесь сколько угодно. Никакого покоя и единодушия быть, конечно, у вас не может. Такое единодушие бывает только на кладбище (*общий смех*). Но коммунистическая фракция должна быть единой. Коммунисты должны вести писателей за собой.

Вот тут выступала Сейфуллина. Кто виноват, что она не верит Авербаху? Авербах виноват. РАПП виноват. Сейфуллина не одна. Я знаю, что и другие так думают, только боятся говорить. Про нее сказали, что она трусиха. А вот она оказалась смелее всех. Она сказала «правду-матку», то, что все думали. Мы должны считаться с беспартийными писателями. Они беспартийные, но они знают жизнь и умеют ее изображать. Они тоже делают наше дело. Писателей гораздо больше, чем вы думаете. Сейчас придут тысячи и десятки тысяч новых писателей из молодежи, обучавшейся грамоте. И в этом наше счастье. В большинстве это будут беспартийные. Надо уметь работать с ними. Вот в чем задача нашего будущего Союза писателей. В нем должны быть созданы условия работы для каждого советского писателя, стоящего на платформе советской власти, сочувствующего коммунистическому строительству.

И вот еще о чем я вам хотел сказать. Еще о двух вещах (все-го о трех вещах). О чем писать? Стихи хорошо. Романы еще лучше. Но пьесы нам сейчас нужнее всего. Пьеса доходчивей. Наш рабочий занят. Он восемь часов на заводе. Дома у него семья, дети. Где ему сесть за толстый роман. Вот у вас, товарищ, — продолжал Сталин, обращаясь к одному из писателей (к Панферову), — сколько томов в вашем романе? Три тома. Где же рабочему сразу осилить их. Конечно, это не значит, что вы

должны прекратить писать романы. (*При этих словах Сталин откидывается корпусом назад и улыбается.*) Не поймите меня так. Но пьесы сейчас — тот вид искусства, который нам нужнее всего. Пьесу рабочий легко просмотрит. Через пьесы легко сделать наши идеи народными, пустить их в народ. Не случайно, что буржуазный класс в начале своей истории выдвинул самых крупных гениев в драматургии. Шекспир, Мольер. Буржуазия была тогда более народна в сравнении с феодалами, с дворянами. Мы, наша республика, сейчас более народная республика по сравнению с буржуазией. А пьесы — это сейчас самый массовый вид искусства в литературе. Мы должны создать свои пьесы. Вот почему пишите пьесы. Только хорошие пьесы, художественные произведения. (*Среди писателей веселое оживление, раздаются голоса: «Постараемся».*)

И наконец, последний вопрос о материальной базе будущего Союза писателей. Надо сделать все, чтобы обеспечить вашу работу. Вот мы построим литературный институт... Вашего имени, Алексей Максимович, — говорит Сталин, поворачиваясь к Горькому и дружески кладя ему руку на плечо. — В этом институте будет воспитываться та молодежь, о которой я говорил, кадры новые. Вокруг института — мы место выберем где-нибудь хорошее, возле города — надо создать поселок, что ли...

— Писательский городок, — подает кто-то реплику.

— Надо, может быть, гостиницу, чтобы в ней жили приезжающие из республик писатели, столовую, библиотеку большую, на миллион томов для начала, все нужные учреждения. Мы дадим на это средства. Это обойдется недорого. Это все с лихвой окупится. Обо всем этом должен заботиться будущий Союз писателей. Об учебе, об организации поездок писателей и т. д.

— А с бумагой как? — задают вопрос.

— И с бумагой можно устроить. Это все дело Оргкомитета. Обо всем этом должен позаботиться Оргкомитет или Союз писателей. Нельзя норовить свалить все на правительство или ЦК. Вот тут говорили, что Союз писателей — это не профессиональный союз. Почему не профсоюз? Почему он не должен заботиться о всех сторонах жизни своих членов? Ну, вот все, что я хотел сказать.

Сталин садится, и сразу шум и движение возобновляются с новой силой. К возбуждению вином прибавилось возбуждение речью. Настроение приподнятое. Снова звенят стаканы. Ста-

лин щедро подливает соседям. Я обхожу стол позади Сталина, Горького и Ворошилова и подсаживаюсь к Молотову.

— Выпьем за здоровье товарища Сталина, — кричат несколько голосов.

На этот раз все дружно поднимаются и пьют за здоровье Сталина. Кто-то снова запекает песню. Шум, шум.

— Выпьем за самого скромного из писателей, за Мишу Шолохова, — кричит Фадеев, который уже сам изрядно выпил.

Сталин снова встает с бокалом в руке.

— За Шолохова! Да, я забыл еще сказать вам. Я хотел сказать еще о том, что производите вы...

Сейчас Сталин опять иной. Он говорит застольное слово.

Он тамада. Он шутит.

— Есть разное производство: артиллерии, автомобилей, машин. Вы тоже производите товар. Очень нужный нам товар. Интересный товар. Души людей. Также важное производство. Очень важное производство — души людей.

Ворошилов тут и подает свою реплику, о которой я уже сказал. Киршон тоже что-то хочет вставить. Но Сталин, кажется, не хочет замечать метафорической остроты своего определения. Он развивает его дальше.

— Все производства страны связаны с вашим производством. И оно невозможно без того, чтобы не знать, как человек входит, как он участвует в производстве социализма. Вот тут кто-то правильно говорил, что писатель не должен сидеть на месте. Он должен знать жизнь страны. *(Сталин кивает рукой приблизительно к тому месту, откуда выступал Никулин.)*

— Это Никулин сказал, — подаю я реплику.

— Правильно сказал Никулин. Человек перерабатывается самой жизнью. Но и вы помогите переделке его души. Это важное производство — души людей. Вы — инженеры человеческих душ. Вот почему выпьем за писателей и за самого скромного из них, за товарища Шолохова!

Сталин снова садится, и снова возобновляется общий шум. Впрочем, шум теперь не утихает окончательно и во время выступления Сталина. Многие его даже не слушают. Все переговариваются. Пьют. Ходят. Курят уже в столовой. Я и Катаев беседуем с Молотовым и Кагановичем. В конце стола несколько человек затягивают песню. Киршон, Леонов, Авербах осаждают вопроса-

ми Сталина. Вечер теперь теряет свои очертания и как бы течет по нескольким руслам. Я силюсь не упустить из внимания, что там говорит Сталин. Горький молчит. Но мне мешает шум, общее рассеяние, отдаленность от Сталина тремя людьми. Сталин же оживлен и готов вести беседу дальше. Теперь он ведет вечер и охотно отвечает на все вопросы. Он даже приветлив, как в своей компании.

— Товарищ Сталин, а как вы смотрите на роль мировоззрения? — спрашивает Киршон.

Сталин начинает отвечать сидя, но тотчас встает, чтобы все его слышали.

— Вы говорите: диалектический материализм, диалектика. Можно быть хорошим художником и не быть материалистом-диалектиком. Были такие художники. Шекспир, например.

— И Пушкин, — добавляет Никифоров.

Авербах громко:

— Да, но мы хотим создать социалистическое искусство, товарищ Сталин.

Никулин:

— Смотрите, смотрите, не успели его еще ввести в Оргкомитет, а он уже кричит, и кричит уже на Сталина.

Все хохочут. Но Сталин продолжает спокойно:

— Мне кажется, если кто-нибудь овладеет как следует марксизмом, диалектическим материализмом, он не станет стихи писать, он будет хозяйственником или в ЦК захочет попасть. Теперь все в ЦК хотят попасть.

Общий смех.

— Разве поэт не может быть диалектиком? — спрашивает Луговской.

Сталин:

— Нет, может. И хорошо, если он будет диалектиком-материалистом. Но я хочу сказать, что, может быть, ему не захочется тогда стихи писать. Я шучу, конечно. Но вы не должны забивать художнику голову тезисами. Художник должен правдиво показать жизнь. А если он будет правдиво показывать нашу жизнь, то в ней он не может не заметить, не показать того, что ведет ее к социализму. Это и будет социалистический реализм.

Это выступление Сталина явно окрашено в полемические тона против рапповцев. И заострено из педагогических соображений, как, впрочем, и многое на этом вечере (в частности, рез-

кая поддержка Сейфуллиной). Сталин исправляет рапповские лозунги в нашем писательском сознании, подчас даже насмешливо. Снова встает Сталин:

— Вот все выступают против старого — почему все старое плохо? Кто это сказал? Вы думаете, что до сих пор все было плохо, все старое надо уничтожить? А новое строить только из нового? Кто это вам сказал? Ильич всегда говорил, что мы берем старое и строим из него новое. Очищаем старое и берем его для нового, используем его для себя. Мы иногда прикрываемся шелухой старого, чтобы нам теплее было. Будьте смелее и не спешите все сразу уничтожать.

А. М. Горький при этих словах вынимает из пиджака опять свои записки. Он надевает очки и что-то ищет в них. Потом, найдя нужное место, он сидя читает глуховатым своим голосом слова Ленина, сказанные Кларе Цеткин о старом и новом искусстве. Видимо, Алексей Максимович не досказал всего, что собирался сказать в своем вступительном слове. Сейчас он довольно улыбается.

— Вот-с, наши-то товарищи литераторы, видимо, не читают полезные книги и хотят пролетарское искусство в хутор выделить. Очень правильно сказано — будьте смелее и не спешите все сразу уничтожать.

Сталин сейчас сидит, расстегнув наверху френч, откинувшись на стуле, дымя своей трубкой. Видимо, он утомлен общим беспорядком. Он выговорился.

Просят Луговского спеть русские заклинания и приговоры. Луговской поет. Красиво поет. Опять Фадеев начинает свои частушки «вышла Дунька за ворота». Поздно. Четыре часа утра. Наконец гости дружно поднимаются. Все, во главе с Горьким, тоже поднимаются и провожают Сталина, Молотова, Постышева, Ворошилова. Постышев поразительно скромнен. За весь вечер он, кажется, не произнес ни одного слова, стараясь держаться в тени. Тоже как Шолохов. Сталин часто искал глазами Шолохова, и когда пил за его здоровье, и раньше, когда беседовал с писателями об образе Григория Мелехова.

— Мелехова, — говорил Сталин, — нельзя считать типичным представителем крестьянства. Белые генералы не могли назначить командовать дивизией крестьянина без офицерского чина. А у казаков это могло быть. Спросим про казаков у Шолохова.

Но Шолохова рядом не оказалось. Когда Сталин уходил, мне запомнилась такая сцена. Рядом с Горьким стоял Авербах, и Сталин, показывая на него, сказал Горькому:

— Этот человек на меня сердится. А я его побил по пословице «за битого двух небитых дают».

Запомнилось еще, как Горький прощался со Сталиным, целуясь по-мужски в усы. Горький, высокий, наклонялся к Сталину, который стоял прямо, как солдат. Глаза Горького блестят, и он стыдливо, незаметно смахивает слезинку в сторону.

Сталин, Молотов, Ворошилов и другие товарищи пожимают всем руку. Прощаясь со мной, Сталин сказал:

— А это вы ловко, с фланга их взяли...

И вот мы одни. Сразу почувствовалось, что очень поздно и все утомлены. Мы тоже все одеваемся и постепенно выходим во двор. Алексей Максимович и Максим Пешков провожают писателей. Максим заводит машину. Алексей Максимович, взгрустнувший, замолчавший, возвращается к себе. Шипят шины подъезжающих авто. Сыро. В тумане маячат фонари. Пятый час утра. <...>

ПОСЛЕСЛОВИЕ

<...> Подавляющего большинства участников описанного собрания уже нет в живых. Двадцать три человека умерли по разным причинам (убиты на войне, покончили самоубийством, как Фадеев и Макарьев). Остались в живых только двенадцать человек, все уже старики. Одиннадцать человек, т. е. каждый четвертый участник собрания, были арестованы и погибли в лагерях или были расстреляны:

П. Постышев, М. Кольцов, Л. Авербах, В. Киршон, Г. Никифоров, И. Гронский, В. Зазубрин, И. Макарьев, Г. Цыпин, И. Разин, П. Крючков.

Впоследствии все они были реабилитированы. Из них вернулись только двое — И. Гронский и И. Макарьев (вскоре покончивший с собой). Не берусь строить догадки, по каким причинам были репрессированы те или иные люди. Но все, кто так или иначе коснулся личности Сталина — и Никифоров, и Зазубрин, и Авербах, — все были изъяты.

Многое, что говорилось Сталиным, было вполне разумно и соответствовало задаче сплочения писателей различных групп

и направлений вокруг партии. Этому служил и подчеркнутый демократизм Сталина в обращении с людьми. Впрочем, в те годы еще не был в разгаре культ его личности. Писатели в его присутствии вели себя достаточно вольно. Но, как показали дальнейшие события, Сталин ничего не забыл.

ФАДЕЕВ — ПОСКРЕБЫШЕВУ
О воспоминаниях К. Зелинского
<7 января 1940 г.>

Дорогой товарищ Поскребышев!

Направляю Вам воспоминания К. Зелинского о встрече товарища Сталина с писателями у А. М. Горького в 1932 году. Я на этой встрече присутствовал. Высказывания товарища Сталина записаны Зелинским, разумеется, не полно, но правдиво. Все, касающееся литературы, актуально и сейчас. Вот почему я прошу Вас выяснить возможность напечатания этих воспоминаний в «Литературной газете» и во втором издании сборника «Встречи с товарищем Сталиным».

С коммунистическим приветом

ФАДЕЕВ

Беседа И. В. Сталина с Гербертом Уэллсом
<23 июля 1934 года>

Уэллс. Я Вам очень благодарен, мистер Сталин, за то, что Вы согласились меня принять. Я недавно был в Соединенных Штатах, имел продолжительную беседу с президентом Рузвельтом и пытался выяснить, в чем заключаются его руководящие идеи. Теперь я приехал к Вам, чтобы расспросить Вас, что Вы делаете, чтобы изменить мир...

Сталин. Не так уж много...

Уэллс. Я иногда брожу по белу свету и как простой человек смотрю, что делается вокруг меня.

Сталин. Крупные деятели, вроде Вас, не являются «простыми людьми». Конечно, только история сможет показать, насколько значителен тот или иной крупный деятель, но, во